

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХИТРОСТЬ»  
В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ЧЕШСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ  
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК**

**«МАША И МЕДВЕДЬ», «МАША І МЯДЗВЕДЗЬ» И «ВОДЯНОЙ»)**

**Шаколо А. В., Дружина Н. Л., Турковская Е. В.**

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,*

*Витебск, Республика Беларусь*

*E-mail: aleksasch-94@yandex.by*

Статья посвящена анализу лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской сказке «Маша и медведь», белорусской сказке «Маша і мядзведзь» и чешской сказке «Водяной» с целью выделения универсальных и идиоэтнических черт русской, белорусской и чешской лингвокультур. В статье были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Концепту «хитрость» отведено особенное место в дискурсе волшебных сказок. В ходе исследования было установлено, что лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русской и чешской сказках более выраженная, чем в случае с соответствующим концептом в белорусской сказке; в белорусском варианте сказки место концепта «хитрость» занимает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Данное различие подтверждается на лексическом и сюжетном уровнях трех сказок. Другим различием следует считать тот факт, что антагонистом в русской и белорусской сказках выступает медведь, а в чешской – водяной, при этом и медведь, и водяной являются амбивалентными персонажами. К сходствам между тремя сказками были отнесены: значимость концепта «хитрость» для трех лингвокультур, важная роль инициации; антропоморфность антагонистов.

**Ключевые слова:** концепт, волшебная сказка, репрезентация, сказочный дискурс, хитрость, доброта.

**ВВЕДЕНИЕ**

Актуальность концептуального анализа в сказочном дискурсе обусловлена большим количеством исследований в области лингвокультурологии, посвященных тем или иным аспектам репрезентации концептов, с одной стороны, равно как и растущим интересом по отношению к произведениям устного народного творчества, попытками их интерпретации и переосмысления, – с другой. Цель исследования – провести анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской сказке «Маша и медведь», белорусской сказке «Маша і мядзведзь» и чешской сказке «Водяной» („Vodník“) и тем самым охарактеризовать русскую, белорусскую и чешскую лингвокультуры с точки зрения универсальных и идиоэтнических черт.

В ходе работы мы обратились к работам следующих лингвистов: В. А. Маслова, В. Я. Пропп, Дж. Фрэйзер, Е. С. Бульбенко, Л. В. Савицкая, И. В. Безуглая, Д. А. Гаврилов, Е. И. Алещенко, И. В. Садыкова. Нами были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. В качестве материала исследования были выбраны русская, белорусская и чешская волшебные сказки («Маша и медведь», «Маша і мядзведзь» и «Водяной»).

**ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Проведем сравнительный анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской волшебной сказке «Маша и медведь» [16], чешской «Водяной» („Vodník“, записанной К. Я. Эрбеном [20, с. 106–108; 30, с. 327], и белорусской волшебной сказки «Маша і мядзведзь» [17]. Для сравнения нами взят один вариант русской сказки о Маше

и медведе, текст чешской сказки о Бетушке и водяном и ее перевод на русский язык (записана К. Я. Эрбенем), а также один вариант белорусской волшебной сказки о Маше и медведе.

В трудах современных лингвистов «хитрость» рассматривается как один из важнейших концептов языковой картины мира как славянских, так и неславянских народов. Так, Е. С. Бульбенко, сопоставляя концепты «хитрость» и «коварство», отмечает, что и первое, и второе – лингвокультурные концепты, которые являются общими для языкового сознания и культуры русского, английского и немецкого лингвоэтносов, входят в состав суперконцепта «человек» и имеют характеристики макроконцепта «обман» [4, с. 6].

Концепт «хитрость» в сказках зачастую связывается с образом трикстера, архетипические черты которого, по утверждению Д. А. Гаврилова, проявляются и в современном мире, особенно при смене социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм [6, с. 5].

Л. В. Савицкая и И. В. Безуглая в своей статье «Моделирование и системное описание реализации концепта в фольклорной картине мира (на материале концепта «хитрость»)» отмечают, что обладателем качества *хитрость* в волшебной сказке может быть и сам герой, хитрость которого обычно заключается в ловкости, изворотливости, реже – одурачивании или обмане; действия героя при этом никогда не осуждаются в сказках, а рассматриваются как один из способов преодоления трудностей: хитрость героя всегда позитивна [22, с. 34].

Концепт «хитрость» широко распространен в различных видах дискурса, но именно в сказочных текстах данный концепт обретает особое место. Одним из условий прохождения героем инициации зачастую является проявление хитрости в той или иной степени; в некоторых случаях данное качество может стать жизненно важным для персонажа, несмотря на неоднозначные коннотации, ассоциируемые с хитростью как с чертой характера. Для того, чтобы сопоставить концепт «хитрость» в русском, белорусском (*хитрасць*) и чешском (*vychytralost*) языках как понятие, обратимся к толковым словарям.

В определении, приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля», внутренняя противоречивость *хитрости* на понятийном уровне прослеживается наиболее ярко, что позволяет говорить о его энантиосемии (внутрисловной антонимии): «хитрый – искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый, затейливый; злостный, лукавый, коварный» [9, с. 548].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. Н. Ожегова слово «хитрый» определяется следующим образом: «Хитрый – 1. Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-н. 2. Лукавый, обнаруживающий какой-н. скрытый умысел, намерение. 3. Изобретательный, искусный в чем-н. 4. Замысловатый, мудреный» [18, с. 704].

«Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» под редакцией И. Л. Копылова дает слову «хитрасць» следующие определения: «1. Вынаходліваць, дасцігнаць, умельства. 2. Учынкі, паводзіны, разлічаныя на ўвядзенне каго-н. у зман. 3. Спрытнаць, выкрутліваць. *Не ўменнем, дык хитрасцю*» [25, с. 896].

В словаре чешского языка хитрость (*vychytralost*) определяется как «способность находить точные и умные решения; способность быстро мыслить и проявлять при этом творческий подход» (чеш. «Schopnost vymýšlet přesné a šikovné řešení; schopnost rychle

uvažovat a být při tom kreativní») [31]. Как видим из данного определения, оно предполагает в большей степени положительные коннотации (по сравнению с предыдущими).

Обратимся к материалам этимологических словарей славянских языков с целью обоснования энантиосемии лексемы «хитрость», а также обеспечения вариативности понимания концепта «хитрость» на понятийном уровне.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных прослеживаются истоки значения и происхождения русского слова «хитрый», белорусского «хітры», чешских «chytrý» и «chytrácký». Эти прилагательные восходят к древнерусскому *хытръ* и общеславянскому *chytrъ*, означающим «вещий», «мудрый», «разумный», «знающий», «благопристойный», «творческий», «замысловатый», «искусный», что свидетельствует о положительном значении данной лексемы на древнерусской и общеславянской основе. С XIII в. отмечается появление таких значений, как «лукавый», «обманчивый», «хитрый» [29, с. 340].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера русское прилагательное «хитрый» и чешское «chytrý» восходят к праславянскому *chytrъ* со значениями «ловкий», «сведущий», «опытный», «проворный», «быстрый», «хитрый» [27, с. 240].

Как видим, этимология лексемы «хитрость» подтверждает ее двоякий характер, что отражается и на вариативности понимания одноименного концепта на понятийном уровне.

В русском, белорусском и чешском языках существуют устойчивые выражения, в которых хитрый человек сравнивается с лисой: *хитрый как лиса*, *хітры як ліса*, *tazaný jako liška*. В статье «Чудо природы как сакральная метафизическая сущность» В. А. Маслова подчеркивает, что выражение душевных состояний в языке дается через природные явления (*закат жизни*, *утро жизни*, *щедрость земли*), а моральных качеств человека – через обращение к миру животных: *хитрая лиса* [13, с. 120].

В сказочном дискурсе можно найти большое количество примеров, где именно лиса является воплощением хитрости, что, вероятно, и стало одним из источников данной метафоры (такие сказки из сборника А. Н. Афанасьева, как «Лиса-исповедница», «Мужик, медведь и лиса», «Овца, лиса и волк», «Лиса и тетерев», «Кот и лиса», «Козьма Скоробогатый» и др. [2, с. 22–25, 29–33, 35, 38, 46–49, 311–314]). В статье «Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: параллельные или взаимопроникающие науки?» В. А. Маслова утверждает, что «метафора представляет огромный интерес с позиций лингвокультурологии, потому что наш менталитет – это совокупность не только природного, но и культурного» [12, с. 143].

В монографии «Номо lingualis в культуре» В. А. Маслова отмечает, что «злопамятность и хитрость осуждались русскими людьми: *Тому тяжело, кто помнит зло; Кто старое помянет, тому глаз вон; Где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного*» [14, с. 116].

Фольклорные афоризмы, которые можно встретить в сказках А. Н. Афанасьева [1, с. 32], с одной стороны, выражают негативное отношение к *хитрости* (хитрость как дьявольская черта), с другой, именно *хитрость* позволяет героям выйти из сложных ситуаций. Так, в одном из вариантов сказки «Морской царь и Василиса Премудрая» встречается следующий афоризм: «Все м ведомо, что баба хитрее черта» [2, с. 511]. Энантиосемия *хитрости* подчеркивается в данном случае тем фактом, что хитрость жены охотника в этой сказке помогла спасти жизнь их сына и обмануть антагониста (черта).

Подчеркнем, что в сказках А. Н. Афанасьева *хитрость* зачастую выступает проявлением изобретательного ума. Примерами таких сказок являются следующие: «Баба-яга и Заморышек», «Баба-яга и жихарь», «Ивашко и ведьма», «Терешечка» «Козьма Скоробогатый», «Хитрая наука», «Лихо одноглазое» [2, с. 128–143, 311–314, 589–601, 704–705]. В данных сказках главные герои благодаря хитрости и находчивости побеждают антагонистов, избегают смертельной опасности, обретают счастье и богатство.

При этом на примере сказок А. Н. Афанасьева можно проследить и другую сторону *хитрости* как негативной, дьявольской черты, к которой с переменным успехом прибегают коварные соперники главного героя: «Королевич и его дядька», «Купеческая дочь и служанка», «Беглый солдат и черт», «Два Ивана солдатских сына» [2, с. 159–166, 174–176, 269–279]. В данных текстах губительные свойства хитрости способны приводить к фатальным последствиям.

Проведем анализ лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской, белорусской и чешской волшебной сказках. Исходя из того, что в сюжетном плане русская и чешская сказки более близки (белорусская сказка отличается наличием новой сюжетной линии и персонажа-помощника), проанализируем параллельно русский и чешский варианты, а затем – белорусский.

Сравним русскую волшебную сказку «Маша и медведь» [16] и чешскую волшебную сказку «Водяной» [20, с. 106–108]. Сюжетная линия обеих сказок является схожей: главная героиня остается у медведя (водяного – в чешской сказке), но хочет вернуться в родительский дом.

Если в русской сказке средой обитания медведя является лес, то в чешской водяной обитает в пруду, «проводя дни в своем подводном имении, а в ясные ночи сидя на берегу под вербой» [20, с. 106].

Водяной приманивает маленькую Бетушку, которая пасла коз на лугу рядом с прудом, красными ленточками, и затягивает ее под воду в свое жилище [20, с. 106]. Проходят годы, Бетушка заботится о доме водяного, готовит и убирается, а мусор, который она выметает со двора в светлицу по указанию хозяина, тот превращает в золото и серебро [20, с. 107].

Жизнь Бетушки в доме водяного была неплохой, однако главная героиня желала вернуться к родителям и часто плакала, вспоминая о своих близких: „Plakala ve dne v noci, zromínajíc na své rodiče“ [30, с. 327]. Бетушка размышляла о побеге: „Думала она, как бы ей водяного перехитрить“ [20, с. 107]. В дальнейшем девушка просит водяного отнести ее родителям золото и серебро в корзине, но при этом не останавливаться по дороге, иначе она увидит и окликнет водяного [20, с. 107] (чешский текст: „Budeš-li odpočívát, hned tě uhlídám a budu volat.“ [30, с. 327]). Бетушка оставляет у печи фигуру из камыша в своем платье, а сама прячется в корзину, и, таким образом, ей удается вернуться к родителям, перехитрив водяного [20, с. 107–108]. Данный факт подчеркивается и на лексическом уровне в финале сказки: «Понял водяной, что умная и прекрасная Бетушка его перехитрила» [20, с. 108] (в оригинале: „Podoba neodpovídala, a tu viděl, jak ho dívčina ošidila“ [30, с. 327].

В качестве рефрена в данной сказке звучит фраза Бетушки: «Я тебя вижу!» [20, с. 108] (в оригинале: „Však já tě vidím!“ [30, с. 327].

В русской волшебной сказке «Маша и медведь» главная героиня отправляется в лес за ягодами вместе с подругами, но, вопреки наставлениям родителей, отстает от них и в

лесной чаще находит избушку. Хозяин избушки, медведь, не собирается отпускать Машу и запрещает ей покидать дом в свое отсутствие [16, с. 10]. В некоторых вариантах сказки уточняется, что медведь потребовал от Маши помощи по дому (девочка должна была топить печь, готовить еду) [15]. Если же Маша попытается сбежать, медведь угрожает съесть ее.

Как и в чешской сказке, девочка решает перехитрить медведя с помощью корзины (короба), в который она кладет гостинцы (пирожки) для своих отца и матери и в котором прячется сама. Когда медведь приносит корзину к дому девочки, на него бросаются собаки, и он убегает в лес, а семья воссоединяется [16, с. 14].

Лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русском тексте проявляется в повторе «Вижу, вижу! Не садись на пенек, не ешь пирожок!» [16, с. 12, 14]. Медведь дважды отвечает на слова Маши следующим образом: «До чего хитрая! Высоко сидит, далеко глядит» [16, с. 12, 14].

Как видим, сюжет обеих сказок довольно схож, однако имеются некоторые различия в деталях и существенные различия в образах антагонистов. В русской сказке антагонистом является живущий в лесу медведь, в чешской – водяной, обитающий в пруду. При этом отметим, что медведь – реальное животное, пусть в сказке он и наделен такими чертами, как бипедализм и человеческая речь (хождение на задних лапах в сказке, является, однако, не столь однозначной чертой, поскольку медведи и в реальной жизни обладают такой способностью). Водяной, в свою очередь, – существо вымышленное.

У обоих антагонистов схожее отношение к невольным попавшим в их жилище гостям: ни медведь, ни водяной не вредят Маше (Бетушке), но и не отпускают домой, требуя от девочек выполнения домашней работы. Причем, если в русской сказке срок пребывания Маши в доме медведя не обозначен, то в чешской говорится, что Бетушка прожила у водяного несколько лет: «Тем временем из маленькой девочки выросла прекрасная панна (дева)...» [20, с. 107].

В обеих сказках главные героини явно проходят обряд женской инициации. М. В. Пименова описывает данный обряд в сказке «Маша и медведь» следующим образом: «девочка в эти годы (7–8 лет) должна уметь ориентироваться в чужом (за пределами дома, лесном) пространстве, наводить порядок в доме, заботиться о других, готовить (пирожки), а главное, проявлять изобретательность в экстремальных обстоятельствах [19, с. 13].

Следовательно, первый этап инициации – помощь по дому (уборка, приготовление пищи и пр.). Второй – применение хитрости (изобретательности), позволившей вернуться в родной дом. У Маши можно выделить еще один этап инициации, – до того, как она оказалась в лесной избушке: ориентация в незнакомом пространстве (лесу).

В случае с Бетушкой данный этап отсутствует, но со стороны водяного имеет место изначальное проявление хитрости: водяной заманил девочку в пруд с помощью ленточек красного цвета [20, с. 107]. Как отмечает И. В. Садыкова, «понятие красного цвета является неотъемлемой частью русской языковой картины мира, что проявляется в большом количественном составе группы обозначений красного тона, в разработанности гаммы оттенков этого цвета, в постоянном развитии и пополнении данной лексико-семантической группы» [23, с. 22]. В чешской языковой картине мира, учитывая близкое родство восточно- и западнославянских языков, красный цвет также играет важную роль.

Следует подчеркнуть, что попытки привлечь внимание девушек яркими лентами и довольно высокая степень социализации – отличительная черта водяного у западных

славян: «западославянский водяной ходит в гости к людям, посещает ярмарки, участвует в сватовстве и присматривает себе жену, заманивая девушке яркими лентами» [24, с. 83].

Можно утверждать, что обе сказки начинаются с неудавшейся инициации: Бетушка отвлекается на ленточки водяного, бросая коз, которых должна была пасти на лугу у пруда, а Маша отстает от других девочек во время сбора грибов и ягод и теряется в лесу [16, с. 6; 20, с. 107].

Важными считаем и особенности образов медведя и водяного. В русской волшебной сказке хозяином лесной избушки является своеобразный символ леса, животное, имеющее особое значение для русской лингвокультуры. Медведь в славянском фольклоре (народных легендах, поверьях) рассматривается среди прочего как заколдованный человек, который в наказание за свои прегрешения был превращен в данное животное [24, с. 295]. Так или иначе, за основу персонажа взято существующее в действительности и обитающее в лесных массивах Европы животное, которое в сказке наделяется способностью говорить, рассуждать о домашнем хозяйстве и т.д. (антропоморфными чертами). В сборнике у А. Н. Афанасьева есть несколько волшебных сказок, в которых ключевая роль отводится медведю, например: № 201 «Царь-медведь» [2, с. 434–438], № 557 «Девушка и медведь» [2, с. 966].

В «Словаре славянской мифологии» подчеркивается, что медведь является персонажем большого количества пословиц, поговорок, прибауток и загадок у славян, а также называется людьми, живущими недалеко от леса, родным братом лешего (в плане опасности, которую он может представлять): «Медведь – лешему родной брат, не дай Бог с ним встретиться!» [7, с. 195–196].

Помимо того, что медведь, согласно фольклорным представлениям, – родной брат лешего, данное животное иногда также называют лесным чертом, а некоторые лесные духи имеют его облик; в то же время нечистая сила (черт, водяной, ведьма), согласно поверьям, боится медведя [24, с. 296].

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» о медведе говорится, что, будучи одним из главных персонажей в народных представлениях о животных, он «наиболее близок волку, с которым его объединяют сходные демонологические и другие поверья» [24, с. 295].

Л. Дучиц и И. Климович в своей работе «Язычніцтва старажытных беларусаў» рассматривают роль образа медведя в представлениях наших предков, отмечая, что это животное славяне считали своим первопредком, духом хранителем, воплощением души и божеством [10, с. 157].

Более того, в некоторых регионах Беларуси медвежьей лапу-оберег называют «скотским богом», а в мифологии восточных славян такое название имел один из важнейших богов – Велес. Почитание Велеса восходит к культу медведя [22, с. 158]. С помощью медведя снимали порчу с дома и скота; голову медведя вешали в конюшне для защиты от домового [24, с. 296].

Согласно фольклорным представлениям, на женщин медведь нападает лишь для того, чтобы увести к себе в берлогу; верят, что от связи женщины с медведем рождаются люди, обладающие богатырской силой [24, с. 295–296]. Отмечается также присутствие в русских, белорусских и украинских сказках таких персонажей, как полумедведи-полулюди от связи медведя и женщины: *Медвежье Ушко, Медведко, Бедмедь, Ведмедь, Медведович, Медведюк*. Как правило, это богатыри, которые с детства обладают необычайной силой [10, с. 158–159].

В «Славянском бестиарии» О. В. Белова приводит такие ассоциируемые в фольклорном сознании с медведем пороки, как драчливость, гнев, обжорство; вместе с тем отмечается, что это смелое, бесстрашное животное [3, с. 174–175]. Образу медведя присуща брачная символика, символика плодовитости и плодородия [24, с. 296].

Образ водяного в чешской сказке не менее примечателен. Если медведь – символ леса, водяной – символ пруда, хозяин водной стихии. Мусор, выметаемый Бетушкой, водяной превращает в золото и серебро, что свидетельствует о магических способностях персонажа, который в награду за труд девушки соглашается часть драгоценностей отнести ее родителям [20, с. 107].

Водяной, относящийся к нежити, символизирует дух воды, является хозяином и покровителем водного пространства; отметим вместе с тем, что у западных славян водяной лишен статуса хозяина водоема: он там просто живет, однако подчеркивается происхождение водяного из утопленников; западные славяне представляют водяного, как правило, в виде взрослого мужчины, у чехов он может явиться в образе маленького мальчика [24, с. 82]. В сказке «Водяной» нет сведений об облике и возрасте заглавного персонажа, однако, как и медведь в русской и белорусской сказках, он использует Бетушку в качестве помощницы по дому.

Согласно поверьям, считается, что избавиться от водяного можно, перехитрив его следующим образом: загадать загадку или задать вопросы, на которые водяной не сможет ответить [24, с. 83].

Имеет место также сравнение водяного с медведем в народной культуре: «с началом весны, в апреле, водяной пробуждается от зимней спячки, голодный и сердитый, как медведь: с досады ломает он лед, вздымает волны, разгоняет рыбу...» [7, с. 42].

Тот факт, что водяной, согласно фольклорным представлениям, обладает золотом и серебром, подтверждается упоминанием о его щедрости по отношению к повивальной бабке в славянских поверьях: «когда жена водяного должна родить, он принимает вид обыкновенного человека, является в город или деревню, приглашает к себе повивальную бабушку, ведет в свои подводные владения, а потом щедро награждает за труд серебром и золотом» [7, с. 39–40].

Возраст водяного может меняться в зависимости от фаз луны: при новолунии он молод, при убывающей фазе – стар [7, с. 41].

Черта, которая объединяет водяного и медведя, – амбивалентность данного образа в фольклорном сознании: «многоликий водяной не столько зол, сколько непредсказуем и двойствен; он существо столь же опасное, сколь и необходимое, как и сама вода» [5, с. 88].

Из двух вариантов белорусской сказки о Маше и медведе – «Манечка і Мядзведзь» [11] и «Маша і мядзведзь» [17] – для анализа нами был выбран второй текст. Сказка «Манечка і Мядзведзь» в целом дублирует сюжет рассмотренной нами выше русской сказки, в то время как «Маша і мядзведзь» несколько отличается от русской и чешской сказок в сюжетном плане. Более того, в ней есть такой персонаж, как волшебный помощник.

Сказка «Маша і мядзведзь» была записана Л. М. Драбович от А. А. Мороз, жительницы д. Степановка [17]. В начале сказки нет сцены, в которой девочка просит у старших разрешения пойти с подругами в лес, а те, в свою очередь, дают ей наставления. Присутствует такой персонаж, как мышь, в то время как сюжетной линии с обманом медведя благодаря коробу (корзине) в данном варианте нет.

Маша собирала в лесу ягоды («чарніцы» [17]) с подругами и заблудилась. Девочка боялась оставаться в лесу одна, стало темнеть, она заплакала и дважды позвала на помощь (уже не подруг, которые не откликнулись прежде, а в целом – кого угодно, кто в лесу): «Хто ў бары, хто ў лесе, прыйдзі ка мне нанач!» [17]. Появляется «вялізны мядзведзь» [17] и зовет испуганную девочку к себе жить (в берлогу).

В медвежьей берлоге было «цёмна, гразна» [17]. Маша навела порядок в жилище нового знакомого, накормила его ягодами и хлебом. Медведь попросил девочку постлать постель следующим образом: «рад камення, рад палення, ступу пад галаву, карытам накрыва» [17].

В русской, белорусской и чешской сказках главной героине запрещено покидать дом медведя (водяного). Данный мотив восходит, вероятно, к такому виду запретов, как табу на выход из жилища, описанного Дж. Фрэзером, которое действовало у представителей различных народностей по отношению к правителям: «верховным правителям иногда совсем запрещается покидать свою резиденцию, по крайней мере, их поданным запрещается видеть их во время отлучек» [28, с. 260].

Следует подчеркнуть, что и Маша в русской сказке озвучивает один запрет в адрес медведя – табу на прием пищи. Дж. Фрэзер отмечает, что в первобытном обществе существовали отдельные виды пищевых запретов как для жрецов, так и для правителей [28, с. 310]. Бетушка, в свою очередь, запрещала водяному останавливаться отдохнуть по дороге: в данном случае запрет на принятие пищи не имел место. В белорусской сказке главная героиня не запрещала медведю останавливаться по дороге, поскольку сбежала от него иным способом.

Пока медведь спал, Маша рассуждала, как ей вернуться домой, в родную деревню к матери и отцу. Девочка увидела мышь, жившую под печью в берлоге медведя. Мышь, как и главная героиня, боялась медведя; девочка угостила ее крошками: «Маша дала ёй хлебныя крошкі» [17]. Мышь в благодарность за это пообещала привести Машу домой: «Узрадавалася дзевачка і хуценька, пакуль спаў мядзведзь, выслізнула з мышкай з бярогі» [17].

В итоге мышь действительно выполнила свое обещание, показав девочке дорогу, в то время как медведь, вероятно, по-прежнему спал: «Вывела мышка Машу з лесу, прывяла дахаты» [17].

В. Я. Пропп отмечает, что в качестве помощника главного героя в волшебных сказках, как правило, выступают конь, орел или антропоморфные существа [21, с. 368–372, 388]. Мышь, по утверждению М. В. Пименовой, – очень сложный символ русской (и в целом славянской) культуры [19, с. 6], олицетворяющий в сказках образ предков: «согласно поверьям славян, в каждом доме должна была жить домовая мышь – дух-хранитель» [19, с. 5].

Мышь в славянской мифологии, включая жанр сказки («Репка», «Курочка Ряба»), в работах В. Н. Топорова представляется как хтонический образ. Так, в статье «О двух уровнях понимания русской сказки о Репке (семантика и этимология)» мышь характеризуется как «представительница нижнего мира, хтонического царства, подключившая к усилиям остальных участников цепочки земную противотягу» [26, с. 527]. Анализируя сказку «Курочка Ряба», В. Н. Топоров отмечает, что мышинный хвост в данном случае становится «орудием сотворения мира и его зон-сфер, субъектом демиургического действия, творцом неба и земли (верхняя и нижняя половины яйца)» [26, с. 527].

А. В. Гура, описывая образ мыши в поверьях восточных славян, подчеркивает следующее: «В облике мыши белорусы представляют души умерших, которые питаются ночью недоеденным хлебом. Если кошка поймает такую мышь, домашним грозят бедствия за гибель предка (витеб.) [8, с. 348]».

Девочка возвращается к родителям, они кормят мышь и решают оставить ее дома. Завершается сказка такими словами: «З той пары і живуць мышы побач з чалавекам», – что добавляет в сказочный текст элемент, присущий, как правило, легендам (объяснение того или иного явления, факта).

Как было отмечено выше, в данном варианте белорусской сказки о Маше и медведе отсутствует сюжетная линия с коробом (корзиной) и гостинцами (подарками) для домочадцев девочки. Время действия ограничено примерно одними сутками, Маша сама зовет на помощь медведя (пусть и не знает, что придет именно он), и добровольно идет к нему в берлогу, поскольку считает, что ночевать в лесу одной еще опаснее: «Што зробіш, трэба ісці» [17].

Как и в русской сказке, присутствует концепт «лес». Так же, как и в двух других (русской и чешской) сказках, имеют место концепты «покорность» и «труд», вместе с тем концепт «хитрость» находит в белорусской сказке не столь яркое отражение; его замещает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Героиня добра по отношению к мышке, и та помогает Маше сбежать от медведя, тем самым перехитрив его. То есть хитрость проявляет не сама девочка, а ее волшебная помощница, к которой Маша отнеслась с добротой. «Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» дает слову «дабрыня» следующее определение: «спагадлівасць, душэўная прыхільнасць да людзей, імкненне рабіць усё добрае для іншых» [25, с. 205].

На основе проведенного анализа трех сказок выделим их универсальные и идиоэтнические черты с учетом лексической репрезентации концепта «хитрость».

***Общие (универсальные) черты в трех сказках:***

- наличие антагониста, не желающего отпускать главную героиню домой и использующего ее в качестве своей работницы (служанки);
- проявление хитрости (что отражено и на лексическом уровне) главной героиней (или ее волшебным помощником), которая позволяет сбежать от антагониста и вернуться в родной дом, успешно пройдя тем самым обряд инициации;
- противопоставление концептов «дом – лес», «дом – пруд»: ни избушка, ни берлога в лесу, ни пруд не становятся для главных героинь домом, – это места их инициации, которые не способны заменить родные пенаты;
- антропоморфность антагонистов, которая проявляется не только в хождении на двух ногах – бипедализме (медведь и водяной разговаривают, имеют в той или иной степени благоустроенное жилище, могут приходить в гости к родителям главных героинь);
- наличие концептов «покорность», «труд», «доброта» (из них только *доброта* в белорусской сказке способствует возвращению девочки домой), которые имеют важное значение в данных сказочных текстах, однако центральную роль играет концепт «хитрость».

***Различия между тремя вариантами сказок (идиоэтнические черты):***

- концепт «хитрость» в чешской сказке проявляется на лексическом уровне не только в поведении Бетушки, но и в действиях водяного: он заманивает девушек в свое жилище красными ленточками; тот факт, что медведю в русской и белорусской

сказках на какое-то время удается найти работницу для поддержания порядка в своем жилище, сложно связать с хитростью, поскольку героини сами приходят к нему в дом;

- длительность действия от суток (белорусская сказка) до нескольких лет в чешской сказке (в русском тексте срок пребывания Маши у медведя неизвестен, но превышает сутки);
- в качестве антагониста в чешской сказке выступает водяной; в русской и белорусской – медведь; образы антагонистов амбивалентны;
- в белорусской сказке имеется образ волшебного помощника – мышь;
- отсутствие короба (корзины) в белорусской сказке при наличии сюжетной линии с хлебными крошками и мышью;
- в белорусской сказке наблюдается смещение акцента с концепта «хитрость» на «доброту».

### ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате проведенного анализа лексической репрезентации концепта «хитрость» в русской, белорусской и чешской сказках нами были выявлены универсальные и идиоэтнические черты русской, белорусской и чешской лингвокультур. Универсальные черты: особое место, отведенное концепту «хитрость» во всех трех лингвокультурах; существенная роль инициации; антропоморфность антагонистов. При этом следует подчеркнуть, что лексическая репрезентация концепта «хитрость» в русской и чешской сказках выражена в большей степени, чем в случае с аналогичным концептом в белорусской сказке; в белорусском варианте сказки место концепта «хитрость» занимает концепт «доброта» (бел. «дабрыня»). Наличие данной идиоэтнической черты подтверждается на уровне лексики и сюжета при сопоставлении трех сказок. Другой идиоэтнической чертой следует считать тот факт, что антагонистом в русской и белорусской сказках выступает медведь, а в чешской – водяной, при этом и медведь, и водяной являются амбивалентными персонажами. Также в белорусской сказке имеется образ волшебного помощника – мышь. Безусловно, для дальнейшего выявления универсальных и идиоэтнических черт различных лингвокультур, восходящих к менталитету того или иного народа, необходимы дальнейшие исследования, предполагающие анализ ключевых концептов сказочного дискурса.

### Список литературы

1. *Алеценко Е. И.* Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2008. 45 с.
2. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Полное собрание в одном томе / под ред. Е. Г. Басовой. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
3. *Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики – М.: Индрик, 1999. – 320 с.
4. *Бульбенко Е. С.* Объективация концептов «коварство» и «хитрость» в языковом сознании и художественной коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2013. 24 с.
5. *Власова М. Н.* Энциклопедия русских суеверий. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 624 с.
6. *Гаврилов Д. А.* Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с.
7. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород: «Русский купец», «Братя славяне», 1995. – 368 с.

8. *Гура А. В.* Мышь // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. III. – С. 347–349.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т.4: Р–Я. – 1980. – 683 с.
10. *Дучыц Л., Клімковіч І.* Язычніцтва старажытных беларусаў. – Мінск: Харвест, 2018. – 368 с.
11. Манечка і Мядзведзь: літаратурна-мастацкае выданне для дашкольнага ўзросту / пад рэд. І. В. Рэзько. – Мінск: «Харвест», 2014. – 11 с.
12. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: параллельные или взаимопроникающие науки? // Лингвистика и образование. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 138–146.
13. *Маслова В. А.* Чудо природы как сакральная метафизическая сущность // Метафизика. – 2024. – № 3 (53). – С. 114–124.
14. *Маслова В. А.* Homo lingualis в культуре: монография. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2004 – 214 с.
15. Маша и медведь: «Ну-ка дети» – портал для детей и их родителей. – Режим доступа: [https://nukadeti.ru/skazki/masha\\_i\\_medved](https://nukadeti.ru/skazki/masha_i_medved). – (Дата обращения: 04.04.2025).
16. Маша и медведь: литературно-художественное издание для дошкольного возраста / Под ред. М. И. Титовой. – М.: «Детская литература», 1978. – 16 с.
17. Маша і мядзведзь: беларускія народныя казкі. – Режим доступа: <https://detsadmir.schools.by/pages/belaruskja-narodnyja-guln>. – (Дата обращения: 28.03.2025).
18. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. – Изд-е 16-е, испр. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
19. *Пименова М. В.* Русская сказка: учеб. пособие. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 68 с.
20. Предания, сказки и мифы западных славян / под общ. ред. Г. М. Лифшиц-Артемьевой. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.
21. *Пропт В. Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
22. *Савицкая Л. В., Безуглая И. В.* Моделирование и системное описание реализации концепта в фольклорной картине мира (на материале концепта «хитрость») // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – 2019. – № 3 (69). – С. 27–37.
23. *Садькова И. В.* Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2006. – 23 с.
24. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.
25. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылюў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
26. *Топоров В. Н.* О двух уровнях понимания семантики русской сказки о репке (семантика и этимология) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 513–530.
27. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
28. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
29. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
30. *Erben K. J.* Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských. – Praha: Městská knihovna v Praze, 2011. – 332 s.
31. Vychytralost: synonyma online. – Режим доступа: <https://synonymus.cz/vychytralost-504>. – Дата обращения: 31.03.2025).

#### References

1. Aleshchenko E. I. *Jetnojazykovaja kartina mira v tekstah russkogo fol'klora (na materiale narodnoj skazki): Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [The ethnolanguage picture of the world in the texts of Russian folklore (based on the material of a folk tale). Abstract of thesis]. Volgograd, 2008. 45 p.
2. Afanasyev A. N. *Narodnye russkie skazki. Polnoe sobranie v odnom tome* [Russian folk fairy tales. The complete collection in one volume]. Ed. by E. G. Basova. Moscow, ALPHA-BOOK Publ., 2018. 1087 p.

3. Belova O. V. *Slavjanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simvoliki* [The Slavic Bestiary. Dictionary of names and symbols]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 320 p.
4. Bulbenko E. S. *Objektivacija konceptov «kovarstvo» i «hitrost'» v jazykovom soznanii i hudozhestvennoj komunikacii: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Objectification of the concepts of “guile” and “cunning” in linguistic consciousness and artistic communication. Abstract of thesis]. Volgograd, 2013. 24 p.
5. Vlasova M. N. *Jenciklopedija russskih sueverij* [Encyclopedia of Russian superstitions]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 624 p.
6. Gavrilov D. A. *Licedej v evroaziatskom fol'klоре* [The actor in Eurasian folklore]. Moscow, Social'no-politicheskaja mysl' Publ., 2006. 239 p.
7. Grushko E. A., Medvedev Y. M. *Slovar' slavjanskoj mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Nizhny Novgorod, Russkij kupec Publ., Brat'ja slavjane Publ., 1995. 368 p.
8. Gura A.V. *Mysh'. Slavjanskije drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar'* [Mouse. Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004, vol. 3, pp. 347–349.
9. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978–1980, vol. 4 (R – Ya), 1980. 683 p.
10. Duchyts L., Klimkovich I. *Jazychnictva starazhytnyh belarusau* [Paganism of the ancient Belarusians]. Minsk, Harvest Publ., 2018. 368 p.
11. *Manechka i Mjadzvedz': litaraturna-mastackae vydanne dlja dashkol'naga uzrostu* [Manechka and the Bear: a literary and artistic publication for pre-school age]. Ed. by I. V. Razko. Minsk, Harvest Publ., 2014. 11 p.
12. Maslova V. A. *Kognitivnaja lingvistika i lingvokul'turologija: parallel'nye ili vzaimopronikajushhie nauki?* [Cognitive linguistics and cultural linguistics: parallel or interpenetrating sciences?]. *Lingvistika i obrazovanie*, 2025, vol. 5. no. 1, pp. 138–146.
13. Maslova V. A. *Chudo prirody kak sakral'naja metafizicheskaja sushhnost'* [The miracle of nature as a sacred metaphysical entity]. *Metafizika*, 2024, no. 3 (53), pp. 114–124.
14. Maslova V. A. *Homo lingualis v kul'ture: monografija* [Homo lingualis in culture: a monograph]. Vitebsk, Vitebsk State P. M. Masherov University Publ., 2004. 214 p.
15. *Masha i medved': “Nu-ka deti” – portal dlja detej i ih roditelej* [Masha and the Bear: “Nu-ka deti” – site for children and their parents]. Available from: [https://nukadeti.ru/skazki/masha\\_i\\_medved](https://nukadeti.ru/skazki/masha_i_medved) (accessed 4 April 2025).
16. *Masha i medved': literaturno-hudozhestvennoe izdanie dlja doshkol'nogo vozrasta* [Masha and the Bear: a literary and artistic publication for preschool age]. Ed. by M. I. Titova. Moscow, Detskaja literatura Publ., 1978. 16 p.
17. *Masha i mjadzvedz': belaruskija narodnyja kazki* [Masha and the Bear: Belarusian folktales]. Available from: <https://detsadmir.schools.by/pages/belaruskija-narodnyja-guln> (accessed 28 March 2025).
18. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. 16, corrected. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1984. 797 p.
19. Pimenova M. V. *Russkaja skazka: ucheb. posobie* [Russian fairy tale: textbook]. Kiev: Dmitry Burago Publ., 2012. 68 p.
20. *Predanija, skazki i mify zapadnyh slavjan* [Legends, fairy tales and myths of the Western Slavs]. Ed. by G. M. Lifshits-Artemyeva, Moscow, Eksmo Publ., 2021. 480 p.
21. Propp V. Ya. *Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of a fairy tale. Historical roots of a fairy tale]. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 640 p.
22. Savitskaya, L. V., Bezuglaya I. V. *Modelirovanie i sistemnoe opisanie realizacii koncepta v fol'klornoj kartine mira (na materiale koncepta «hitrost'»)* [Modeling and systematic description of the concept implementation in the folklore worldview (based on the concept of “cunning”)]. *Russkaja filologija. Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody*, 2019, no. 3 (69), pp. 27–37.
23. Sadykova I. V. *Oboznachenie krasnogo cveta v russkom jazyke v istoriko-jetimologicheskom aspekte: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The designation of the red colour in the Russian language in the historical and etymological aspect. Abstract of thesis]. Tomsk, 2006. 23 p.

24. *Slavjanskaja mifologija: jenciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2002. 512 p.
25. *Tlumachal'ny slounik belaruskaj litaraturnaj movy: bol'sh za 65 000 slou* [Explanatory dictionary of the Belarusian literary language: more than 65 000 words]. Ed. by I. L. Kapylov. Minsk, Belaruskaja encyklopedyja imja Petrusja Brouki Publ., 2016. 968 p.
26. Toporov V. N. *O dvuh urovnjah ponimanija semantiki russkoj skazki o repke (semantika i jetimologija)* [On two levels of understanding the semantics of the Russian tale about the turnip (semantics and etymology)]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura*. Ed. by Ju. D. Apresjan. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, pp. 513–530.
27. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Vol. 4. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
28. Frazer J. G. *Zolotaja vetv'*. *Issledovanie magii i religii* [The golden bough. A study in magic and religion]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 976 p.
29. Chernyh P. Ja. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1999. 560 p.
30. Erben K. J. *Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských* / K. J. Erben. – Praha: Městská knihovna v Praze, 2011. –332 s.
31. Vychytralost: synonyma online. Available from: <https://synonymus.cz/vychytralost-504> (accessed 31 March 2025).

**LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “CUNNING” IN RUSSIAN,  
BELARUSIAN AND CZECH FAIRY-TALE DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN  
AND BELARUSIAN FAIRY TALES “MASHA AND THE BEAR” AND CZECH FAIRY  
TALE “VODNÍK”)**

*A. V. Shakolo, N. L. Družhina, E. V. Turkovskaya*

The article is devoted to the analysis of the lexical representation of the concept “cunning” in the Russian fairy tale “Masha and the Bear”, in the Belarusian fairy tale of the same name and in the Czech fairy tale “Vodník” for the purpose of finding universal and idioethnic features in Russian, Belarusian and Czech linguistic cultures. Descriptive and comparative methods were used in the article. The concept “cunning” has a special place in the fairy-tale discourse. The study revealed the following peculiarity: the lexical representation of the concept “cunning” in Russian and Czech fairy tales is more pronounced than in the case with the similar concept in the Belarusian fairy tale. In addition, the concept “kindness” takes the place of the concept “cunning” in the Belarusian variant of the fairy tale. This difference is confirmed at lexical and plot levels of fairy tales. Another difference should be considered the fact that the antagonist in the Russian and Belarusian fairy tales is the bear, and in the Czech fairy tale it is the vodník, while both the bear and the vodník are ambivalent characters. The similarities between three fairy tales included the importance of the concept “cunning” for three linguistic cultures, the important role of initiation, and the anthropomorphism of the antagonists.

**Keywords:** concept; magic fairy tale; representation; fairy-tale discourse; cunning; kindness.